к украинским (*з* глубины души, *мею* способ), называя их поэтическими вольностями (licentia poetica) и рассматривая их с точки зрения тогдашней теории стихосложения. Кроме того, наличие в памятниках XV и XVI веков фонетических и лексических «южнославянизмов» не доказывало факта их перехода из Болгарии и Сербии в Московскую Русь, а было результатом «моды» того времени. Все это позволяет считать, что украинизмы в рифмах и украинские лексические формы были свойственны литературному языку Москвы конца XVII—начала XVIII века, каким являлся церковно-славянский, и применялись рядом с русскими формами. Тщательное изучение рукописных украинских сборников песен XVII—XVIII веков показало, что в них не только отсутствует большинство светских книжных песен, которые В. Н. Перетц причислил к украинским, но и самые такие песенники XVIII века, как правило, содержат преимущественно духовные песни. Следовательно, тезис В. Н. Перетца о сложении в Москве начала XVIII века любовных песен под влиянием украинских песен в лучшем случае требует значительного ограничения. Мы здесь имеем дело с другим явлением. В Петровское время и позже в Россию переселялось очень большое число украинцев, окончивших Киево-Могилянскую академию, которые занимали должности иерархов, настоятелей монастырей, профессоров, учителей, делопроизводителей, секретарей и т. п. Здесь, в России, они находили свою вторую родину, но и при обрусении сохранили в своем языке много украинизмов. И вот среди этих украинцев бытовали, с одной стороны, песни, вынесенные ими с Украины, а с другой стороны — сочиняемые ими здесь, но остававшиеся не известными на Украине. Последние песни, несмотря на наличие в них украинизмов и одновременное употребление одних и тех же слов то в русской, то в украинской форме, украинскими мы признать не можем, это скорее своеобразные украино-русские песни. Да и изучение русских рукописных песенников XVIII века показывает, что удельный вес «украинских» песен в них не так велик и что чаще всего такие песни встречаются лишь в единичных вариантах. Итак, тезис В. Н. Перетца о создании любовной лирики Петровского времени в результате и по образцу украинской книжной песни не может быть признан непоколебимым.

В какой социальной среде бытовала книжная песня, — вопрос, имеющий первостепенное значение. В. Н. Перетц, впервые начавший исследовать книжную песню, привел интересный, но все же неполный материал записей о принадлежности рукописных песенников XVIII века: владельцами их были «семина-